

Людмила Боева (Болгария)

ОЧЕРК ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д. С. Лихачев. *Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили.* Л., 1973, 254 с.

Целые века отделяют нас от Древней Руси. За эти времена изменились исторические формации, лица государств, социальные и производственные отношения людей, сменились их эстетические идеалы. И все же лучшие творения древних авторов продолжают жить. Изучению непреходящих художественных ценностей древнерусской литературы посвятило себя много ученых. Среди трудов советских медиевистов по праву одно из первых мест занимают работы академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Текстолог, археограф, фольклорист, известный исследователь древнерусской литературы, академик Лихачев является в то же время одним из крупнейших советских теоретиков. Каждая его книга обогащает читателей не только знаниями об истории древней литературы, но и радуется неожиданными открытиями, вводит в науку новые понятия, термины, теоретические положения. Д. С. Лихачеву удается сочетать в своих трудах древнее и новое, точность ученого анализа с публицистической остротой изложения, историческую тематику с актуально звучащими проблемами современности.

Д. С. Лихачев — автор многих статей и целого ряда монографий. Из них самое большое теоретическое значение имеет труд „Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили“, изданный в Ленинграде в 1973 г. Как скромно замечает сам автор во введении к книге, ее зада-

ча — дать некоторые обобщения для построения будущей теоретической истории русской литературы. Органическим сочетанием теоретического и историко-литературного исследования отличается его монография.

Композиция книги построена в основном на историческом принципе. В ней прослеживается становление и оформление литературных стилей в последовательно сменяющихся исторических эпохах. Причем литература рассматривается в тесной связи с остальными видами искусства, на фоне общественных, умственных явлений той или иной эпохи. С другой стороны, исследуя литературные процессы, специфику литературных явлений русского средневековья, автор постоянно сопоставляет их с процессами, происходившими в других славянских литературах. Русская литература рассмотрена на фоне и в тесной связи с эволюцией мировых литератур.

Как всегда в трудах Лихачева, и в настоящей монографии на передний план вынесены спорные, нерешенные до сих пор теоретические проблемы. Одна из самых сложных — это составление убедительной схемы единого развития литературных стилей в масштабах целого света. Теоретические рассуждения Лихачев открывает определением дефиниции „стиль эпохи“. Под этим термином он понимает все стили отражения мира, литературный стиль входит сюда как одно из подчиненных явлений.

В мировой истории Лихачев прослеживает смену нескольких великих стилей эпохи: романского, готики, ренессанса, барокко, классицизма, романтизма и реализма. Стили эти далеко не равнозначны между собой, они охватывают то большую, то меньшую область культуры, а то включают в себя и науку и быт и все проявления человеческого сознания. Все стили подразделены на пары из первичного (романский, ренессанс, классицизм и реализм) и вторичного (готика, барокко, романтизм). Развитие и смена стилей происходит „асимметрично“ — то путем постепенного перехода (от первичного к вторичному), то через скачок. К объяснению эволюционных смен Лихачев подходит с позиций марксистской методологии и настойчиво подчеркивает, что появление новой пары стилей „обусловлено не внутренними закономерностями „саморазвития“ стилей, а радикальными социальными изменениями“ (с. 181). Критически оценивая концепции ряда западных ученых (например, теорию Дм. Чижевского о „качании маятника“ стилей или теорию о развитии стилей как цепи, уходящей в „дурную бесконечность“ и пр.), Лихачев видит однонаправленность в развитии стилей. Поверх всех чередований и смен, главного и относительного движения идет общее поступательное развитие искусства, его стилистической основы. Движение смен великих стилей закономерно венчает собой появление реализма. Реализм, подчеркивает автор, не равнозначен с остальными великими стилями. В нем существует резко выраженное разнообразие отдельных индивидуальных стилей. „Поэтому он не развивает нового и единого вторичного стиля“ (стр. 183).

Исходя из общих теоретических положений, Лихачев выделяет в русской литературе X—XVII веков несколько больших литературных эпох, каждая из которых выработала определенный литературный стиль, зачастую имеющий свое соответствие в великих стилях мира. Это стили монументального историзма — X—XIII

вв., Предвозрождения — XIV—XV вв., эпохи второго монументализма — XVI в. и русского барокко. Отдельно рассматривается XVII век как период перехода к литературным стилям нового времени.

Центральным фактором в истории русской литературы до самого XVIII века, по мнению Д. С. Лихачева, было развитие ренессансного стиля. „Замедленный Ренессанс“, „напряженные искания Ренессанса“ определяют внутренний драматизм литературных процессов русского средневековья.

Характеризуя эпоху конца XIV—начала XV вв. как время русского Предвозрождения, Д. С. Лихачев подчеркивает, что в России можно говорить лишь об отдельных элементах Возрождения, о некоторых явлениях гуманистического и возрожденческого характера. В XIV—XV вв. русская литература подошла только к истокам этого могучего умственного движения. Это была „первая ступень, еще не освобожденная от господства религии“ (стр. 77), подчеркивает автор.

Предвозрождение не могло перерасти в Возрождение в России, потому что погибли города-коммуны (Новгород и Псков), борьба с ересями закончилась победой официальной церкви, а падение Византии и Флорентийская уния ослабили связи русской культуры с зарубежными странами. В XVI в. Предренессанс стал формализоваться и „породил все те пышные официальные стили в литературе, которые были лишены подлинных творческих потенций“ (стр. 124). Великие исторические задачи обновления выполнил в России XVII век. Именно тогда произошли характернейшие изменения в жанровой системе, место служебных жанров заняли жанры с чисто литературными, эстетическими функциями, резко возросло личностное начало в литературе, повысилась роль и самосознание авторов, появилась индивидуализация героев, их речевая характеристика, индивидуализировался быт, эмансипировал сюжет, широкие права гражданства получили художественный вымысел,

литературная фантазия, занимательность в прозе, расширилась социальная тематика, возникли и развились стихотворство и драма. Социально-идеологические обстоятельства породили особенное развитие в русских условиях одного из великих стилей — русского барокко.

Лихачев прослеживает литературный процесс как неравномерное, подчас мучительное развитие прежде всего идеи гуманизма, а затем личностного начала: личности писателя и личностей литературных героев. Любимая идея ученого об „открытии человека“ как определяющем мотиве поступательного развития культуры пронизывает всю книгу. Мотивом, связующим воедино все ее главы, становится мысль о прогрессе гуманистического начала. Древняя русская литература трактуется как необходимый этап, подготовивший высокий гуманизм русской классической литературы XIX века.

Монография Д. С. Лихачева дает много нового и интересного для каждого теоретика и историка литературы, исключительно полезна она и для болгаристов. Д. С. Лихачев неоднократно обращается к истории болгарской литературы, особенно тесно связанной с русской на первоначальном этапе своего развития. Говоря о взаимоотношениях между литературами в древнейший период, Д. С. Лихачев уточняет некоторые положения из области компаративистики. Он разъясняет понятия литературной трансплантации и литературы-посредницы, определяет место переводных произведений в старых литературах. Рассуждая о славянской „рецензии“ (редакции) византийской культуры, Д. С. Лихачев снова, как в ряде своих статей, а особенно в монографии „Поэтика древнерусской культуры“, необычайно высоко оценивает вклад Болгарии в мировую культуру. Он подчеркивает высокий уровень древней болгарской литературы — быстроту ее формирования, глубину общественного содержания, сложность идей.

„Появление литературы такого высокого уровня, как литература древнеболгарская, кажется почти чудом“, замечает исследователь (стр. 37).

К связям и взаимоотношениям с болгарской литературой Д. С. Лихачев снова обращается в главе о Предвозрождении, говоря о втором южнославянском влиянии. Необходимо совместно усилиями ученых разных стран глубоко и всесторонне изучить такое сложное явление как проникшая на Русь евфимиевская реформа. Особенно нуждается в подробном анализе ее философский заряд. Эта реформа, говорит далее Лихачев, сыграла исключительное значение в культурной жизни южно- и восточнославянских стран. Она была „по-видимому, одним из проявлений умственных движений XIV в.“ (стр. 84). Ее быстрое распространение тоже свидетельствовало „о том, что она отвечала неким внутренним в ней потребностям, имела для своих современников какой-то важный смысл“ (стр. 84). Исследование трактата Константина Костенечского и анализ самого стиля „плетения словес“ необходимым образом дополняют теоретическую часть книги в этом разделе.

Характерной чертой работ Д. С. Лихачева является полное отсутствие авторитативного тона. На многих страницах автор подчеркивает гипотетичность своих положений, не раз говорит о необходимости новых исследований в той или иной области, призывая к ним ученых всех стран.

Как всякое произведение, затрагивающее вопросы спорные и неразрешенные, книга Д. С. Лихачева, отдельные положения в ней могут вызвать определенные возражения. Несогласие найдет прежде всего употребление термина „церковнославянский язык“, который по давней традиции бытует в русском литературоведении и языкознании. Необходимо заменить его точным понятием: „древнеболгарский язык“, более соответствующем исторической истине.

Вызывает определенные сомнения и перенос начала русской литературы на X век. Вероятно, тогда на Руси, действительно уже существовали переводные памятники, необходимые в церковной жизни, но ведь речь идет не о русской письменности вообще, а о художественной литературе! Все-таки о литературе принято говорить в связи с возникновением именно художественного слова. Не толкнет ли это нас к включению в древние литературы старейшего периода вообще всего, что было тогда написано, как это делают некоторые ученые? Нужны конкретные, убедительные факты, точные аргументы для такого переноса.

Далее, следует ли считать развитие русской художественной литературы в XVI веке заторможенным и нарушенным? Вероятнее всего, литературное развитие не останавливалось и в это время. Монументальные своды, собирательская деятельность митрополита Макария, возвышенный стиль, ставший каноном, — все это как бы подвело итог эволюции литературы предшествующих веков, сделало невозможным дальнейшее развитие такого стиля и таких жанров, как, например, жития, а тем самым подготовило почву для их преодоления в XVII веке. Может быть, не следует переоценивать идею государственного вмешательства в литературу?

Говоря о русском Возрождении, все ученые обычно вольно или невольно подлежат европоцентризму, используя при характеристике русской (или любой другой из славянских литератур) эталоны, термины, названия, из истории литератур Италии и Франции. XVII век в русской литературе в основном выполнил те же задачи, которые ранее в Западной Европе были осуществлены во время Возрождения. Своеобразно, может быть, в более тесной связи со старыми традициями, труднее и медленнее освобождаясь из-под гнета штампов и ограничений церковной литературы и обрядности, русский XVII век осуществил переход к литературе нового

типа, эмансипировав человеческую личность, разложив старые жанры, положив основы для новых и т.п. Почему же не говорить о русском варианте возрожденческой литературы, вместо того, чтобы употреблять понятия „запоздалый“, „неразвитый“ и пр. Ренессанс?

Наконец, еще одно сомнение. В теории великих стилей эпохи, изложенной автором, несомненно убедительно и интересно то, как он связывает литературу с другими видами искусства и всеми сферами общественной жизни. Но в этом подходе есть и опасность преувеличения подобной общности. Не натяжка ли, когда говорится, например, о формах романской архитектуры, музыки и литературы!? (стр. 173). Мы употребляем термин „готический роман“, но возможно ли говорить о готическом стиле в связи с литературой? Литература никак не ложится в развитие стилей первой пары — ни романскую, ни готическую литературу нельзя себе представить. Не помогает тут и оговорка, что великие стили развивались то в одной сфере искусства, то в другой, то больше, то меньше, ведь в литературе они не развивались вообще. Перенос искусствоведческого понятия барокко на литературу тоже не представлялся всем специалистам вполне логичным и обоснованным вначале, тем не менее он вошел в общее употребление, не следует ли ожидать, что тоже станет и с романским и готическим стилем в литературе?

Как всякая интересная и глубокая книга, труд Д. С. Лихачева будит творческую мысль, вызывает на дискуссию. Но именно в этом одно из его достоинств.

Монография „Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили“ читается с интересом, доступна и научной общественности и широкой читающей публике. Ее будут читать в Советском Союзе, в Болгарии и других странах и везде одинаково она будет способствовать прогрессивному развитию мировой научной мысли.